

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
13 мая 2010 года
(Живерни)

Сборище

1

Прозрачная речная вода окрашивается розовым. Медленно расплываются тонкие струйки, как в стакане, если окунуть кисточку в акварельной краске.

— Нептун, назад!

В потоке воды розовый цвет бледнеет и теряется на фоне свисающих с берега буйных зеленых трав, тополиных корней цвета охры и ивовых зарослей. Его уже почти не видно.

Это могло бы быть красиво.

Если, конечно, не знать, что вода в ручье покраснела не потому, что художник помыл в нем палитру. Она покраснела от крови из разбитой головы Жерома Морваля. Не просто разбитой, а раскроенной надвое. Кровь течет из глубокой, с ровными краями раны на макушке, и ее уносит течение Эпта — Жером лежит головой в воде.

Моя немецкая овчарка подбежала поближе и стала нюхать.

— Назад, Нептун! Нельзя! — На этот раз я закричала уже громче.

Труп, наверное, обнаружат очень скоро. На часах всего шесть утра, но тут обязательно кто-нибудь повится. Запоздалый гуляка, или художник, или любитель побегать трусцой, или собиратель улиток... Любой, кто пройдет мимо, наткнется на тело.

Я остановилась чуть поодаль и стою, опираясь на палку. Земля раскисла — в последние дни без конца шли дожди, и вода в ручье поднялась до берегов. В свои восемьдесят четыре года я не собираюсь изображать наяду, даже если весь ручей не больше метра в ширину, да еще половину воды из него отвели, чтобы наполнить пруд в саду Моне. Правда, говорят, сейчас пруд с кувшинками снабжается из подземной скважины.

— Нептун, ко мне! Пошли.

Я погрозила ему палкой, чтобы не смел совать нос в зияющую дыру в серой куртке Жерома Морваля. Там вторая рана. Прямо в сердце.

— Давай пошевеливайся. Не век же нам тут торчать.

Я в последний раз окинула взглядом мостки напротив и ступила на тропу. Ничего не скажешь, за дорогой хорошо ухаживают. Самые большие деревья вдоль обочин спилили, кустарник расчистили. Еще бы, ведь здесь каждый день бывают тысячи туристов. Сегодня легко пройдет и детская коляска, и инвалидное кресло. И старуха с палкой. Например, я.

— Нептун! Все, пошли!

Я свернула с тропы чуть дальше, там, где русло Эпта разделяется на два рукава, на одном — запруда, на другом — каскад. На той стороне расположен сад Моне с его кувшинками, японским мостиком и оранжереей... Странно. Я родилась здесь в 1926 году, в год смерти Кло-

да Моне. Следующие почти пятьдесят лет сад пребывал в полном запустении. Но потом колесо провернулось, и ныне десятки тысяч японцев, американцев, русских и даже австралийцев ежегодно пересекают едва ли не весь земной шар, чтобы пройти по Живерни. Сад Моне превращен в священный храм, в Мекку, в кафедральный собор... Кстати, скоро паломники будут здесь.

Я посмотрела на часы. 6:02. Еще пара часов покоя. Я пошла дальше.

Между тополями и гигантскими лопухами белокопытника стоит памятник Клоду Моне. Скульптура косятся на меня злобным взглядом потревоженного соседа. Подбородок спрятан под бородой, на голове нечто, смутно напоминающее соломенную шляпу. Надпись на постаменте цвета слоновой кости указывает, что бюст установлен в 2007 году. Рядом — деревянная табличка, на которой написано, что хозяин присматривает за «лугом». За своим лугом! За полями, за узким притоком Эпта и за самим Эптом, бегущим к Сене, за рядами тополей, за поросшими лесом берегами... За всем тем, что его волшебная кисть переносила на полотно и увековечила этим. Покрытые лаком, эти ландшафты не поддаются разрушению.

Конечно, в шесть утра деревня еще способна кого-то ввести в заблуждение. Передо мной чистый горизонт, пшеничные, кукурузные и маковые поля. Но я не собираюсь никого обманывать. На самом деле луг Моне почти весь день служит парковкой. Если точнее, четыре-пять парковками, раскинувшимися вокруг гидронового стебля, как лепестки асфальтовой кувшинки. В моем возрасте я уже имею право так говорить. Я ведь год за годом наблюдала, как меняется окружающий пейзаж. Сегодня деревня Моне — это витрина супермаркета!

Нептун трусил в паре метров позади меня, но вдруг ринулся вперед. Пробежал через парковку, помочился на деревянную ограду и рванул в поле, к слиянию Эпта и Сены. Эту небольшую полоску суши между двумя речками почему-то называют Крапивным островом.

Я вздохнула и пошла по тропе дальше. Не бежать же мне за ним — в мои-то годы! Пес исчез из виду, но вскоре вернулся. Дразнит он меня, что ли? Я не стала его окликать в такую рань. Он снова нырнул в пшеничные заросли. Теперь Нептун так развлекается. Отрывается от меня метров на сто. Всем жителям Живерни известна эта псина, но мало кто знает, что она моя.

Миновав парковку, я направилась к мельнице Шеневьер. Там теперь мой дом. Лучше вернуться, пока не нахлынула толпа. Мельница Шеневьер — самая красивая постройка вблизи сада Моне и единственная, возведенная на берегу ручья, но с тех пор, как они превратили луг в заповедник железяк и шин, я чувствую себя неким исчезающим видом. Сажу в клетке на потеху зевакам с фотоаппаратами. Чтобы перебраться с парковки в саму деревню, через узкий приток Эпта перекинуто четыре мостика, один из них — прямо перед моим домом. До шести вечера я живу словно в окружении. Потом деревня затихает, луг возвращается под надзор ивняка, и Клод Моне может снова открыть свои бронзовые глаза, не боясь, что бензиновая вонь вызовет у него приступ кашля.

Ветер колыхал лес зеленых колосьев, кое-где расцветенный красными пятнами маков. Уверена: если смотреть на эту картину издалека, со стороны Эпта, она напомнит полотно импрессиониста. Какая гармония теплых рассветных красок! И единственная черная точка в самой глубине.

Старуха в черных одеждах. То есть я!

Чистая нота меланхолии.

— Нептун! — крикнула я еще раз.

Не знаю, как долго я простояла, наслаждаясь хрупким покоем. Не меньше нескольких минут, пока не появился какой-то бегун. Он пронесся мимо меня. В ушах наушники. Майка. Кроссовки. На лугу он смотрелся чужеродным телом. Первый, но не последний — того и гляди явятся другие нарушители спокойствия. Я слегка кивнула ему, он дернул головой в ответ и удалился под электронный стрекот из наушников, вскоре свернув к бюсту Моне, водопадику и запруде. Наверное, назад побежит вдоль ручья, стараясь, как и я, не вляпаться в грязную жижу на обочине тропы.

Я села на скамейку и стала ждать. Я знала, что продолжение последует.

На парковке еще не было ни одной машины, когда на шоссе Руа, между мостками и моим домом, резко затормозил полицейский фургон. В двадцати шагах от утопленника. От Жерома Морваля.

Я поднялась.

Позвать еще раз Нептуна? Я вздохнула. Ладно, дорогу он знает. Мельница Шеневьер в двух шагах. Бросив последний взгляд на выбирающихся из фургона полицейских, я пошла к своему дому. С мельничной башни, с пятого этажа, окрестности видны не в пример лучше. Никто не догадается, что за ним наблюдают.

2

Первым делом инспектор Лоренс Серенак огородил место преступления широкой оранжевой лентой, закрепив ее на ветках ближайших деревьев.